

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АПРЕЛЬ 1976

**СЛАВА
СТРОИТЕЛЯМ
„АТОММАША“**

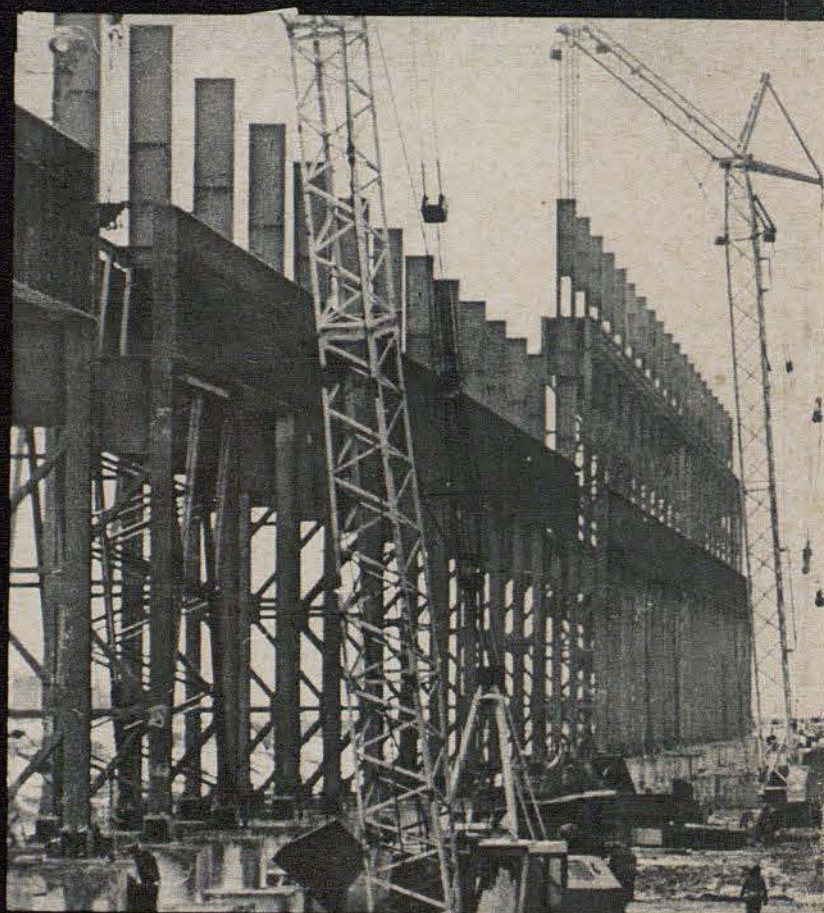
Вот он, первый дом нового Волгодонска.

адреса великих свершений

«АТОММАШ» НАЧИ

Для В. Козлова и К. Федорова это первая большая стройка.

Растет главный корпус «Атоммаша».

таты не замедлили сказаться. Это неопровержимое свидетельство успехов социалистической Чехословакии предъявлено суду истории на глазах всех народов, и оно приводит в ярость мировую буржуазию.

И еще об одном источнике наших успехов нельзя не упомянуть, поскольку он имеет первостепенное значение. В истекшие пять лет мы строили социализм, опираясь на братское интернациональное сотрудничество с Советским Союзом. Мы черпали силы из сокровищницы теоретического и практического опыта советских коммунистов. Наконец, мы могли на благо нашему народу использовать мирные условия и разрядку международной напряженности, достигнутые благодаря претворению в жизнь Программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС и принятой в качестве общей политики всем нашим социалистическим сотрудничеством.

Твердую и неизменную решимость продолжать этот курс подтвердила партийно-правительственная делегация ЧССР, которая в ноябре прошлого года посетила Советский Союз. Западногерманская печать, комментируя итоги этого визита, назвала его шагом, который «еще более прочно привяжет Прагу к Москве во всех областях». Похоже на то, что они в 1975 году «открыли Америку»! Словно не знали и никогда не слышали они о нашем твердом, окончательном и бесповоротном решении — «с Советским Союзом на вечные времена». Словно неведомо им было, что путь этот тру-

ТЕЛЬСТВО

довой народ Чехословакии избрал сразу же после победы над буржуазией в 1948 году и выбор был продиктован классовым сознанием трудящихся, коммунистов, интернациональными чувствами, которые всегда питал наш народ к Стране Советов.

И поэтому неотъемлемой частью подготовки к предстоящему съезду КПЧ стало изучение решений XXV съезда. Ведь для нас, чехословацких коммунистов, опыт КПСС и итоги ее съезда, как отметил товарищ Г. Гусак, «неисчерпаемый источник познания и вдохновения в деле творческого применения идей марксизма-ленинизма в нашей революционной практике социалистического строительства».

Прага
(по телетайпу)

РЕШИМОСТЬ АФРИКИ

Юрий КОРНИЛОВ

Итак, Ангола свободна! Под ударами патриотов последние воинские части расистского режима Южно-Африканской Республики покинули пределы НРА, и теперь флаги молодого африканского государства реют над всей его территорией от анклава Кабинда на севере до крутых берегов реки Кунене, по которой проходит южная граница страны. Это огромная военная и политическая победа героического ангольского народа, опирающегося на поддержку всех прогрессивных, демократических сил. Вместе с тем торжество правого дела Народной Республики Ангола, которая, едва родившись, стала объектом иностранной военной интервенции, — еще одно убедительное свидетельство того, что ныне нет в мире сил, способных остановить победную поступь национально-освободительного движения.

Вглядываясь сегодня в новейшую политическую карту Африки, сопоставляя ее с картами, изданными всего несколько десятилетий назад, мы воочию видим, какие огромные, поистине разительные перемены произошли на африканском континенте. Особенно важным для его судеб был год 1974-й, когда под натиском революционных сил рухнул португальский фашизм, а вместе с ним начала стремительно разваливаться пятисотлетняя португальская колониальная империя. Провозглашение независимости Мозамбика, Анголы, Островов Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи, а также Гвинеи-Бисау, ставшей республикой в 1973 году, означало, что пламя национально-освободительной борьбы сожгло все главные бастионы «классического» колониализма — ныне на африканской земле осталось лишь несколько территорий, народы которых еще томятся под иностранным господством.

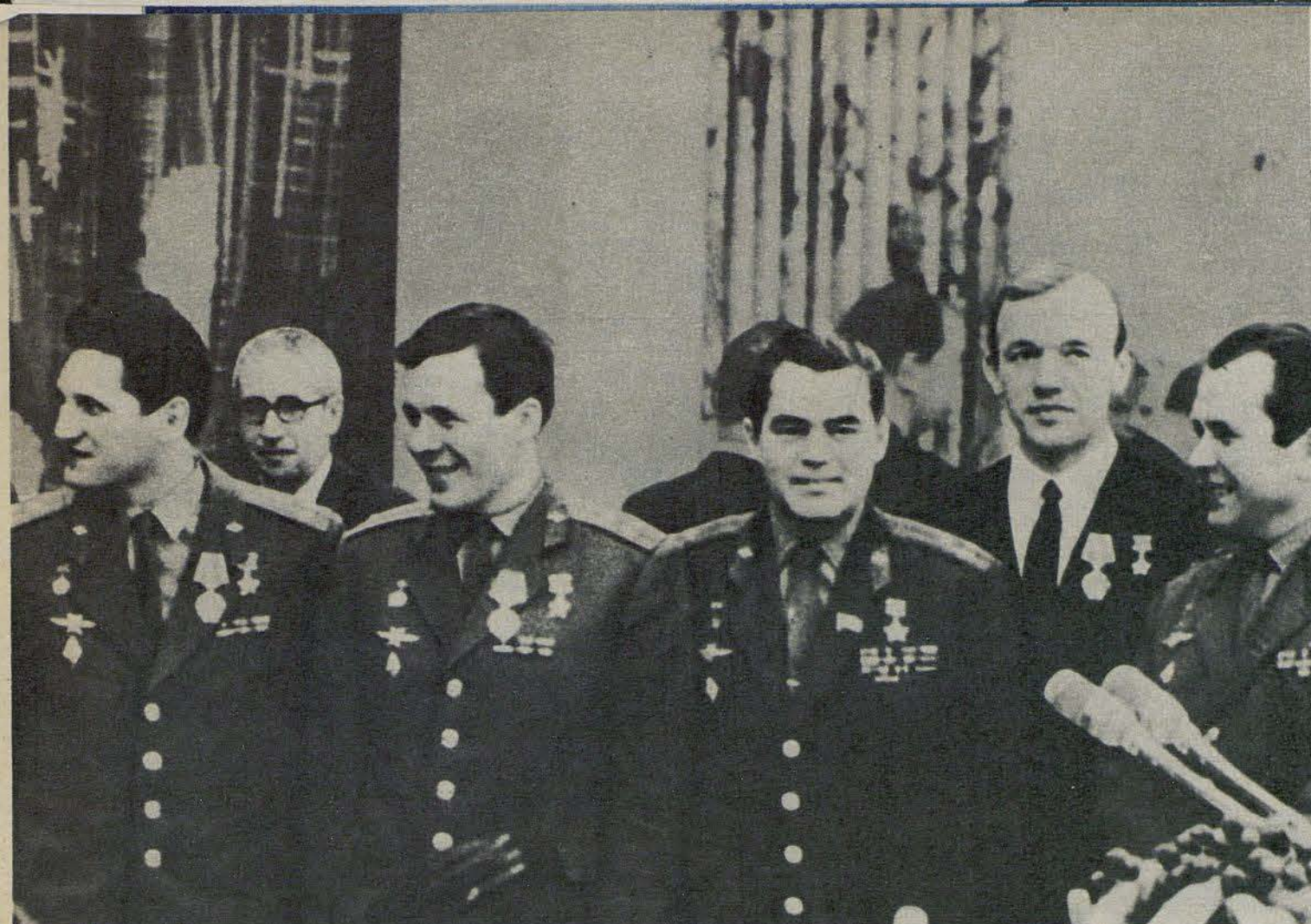
С крахом португальского колониализма коренным образом изменилась вся обстановка на юге африканского континента. В результате ликвидации «буферных зон», находившихся под португальским колониальным владычеством, мощный вал освободительной борьбы вплотную приблизился к границам ЮАР, Родезии — этим цитаделям расизма, к оккупируемой расистами Намибии. Надо ли говорить, какие важные преимущества получили в результате этого национально-освободительные движения на юге Африки! Эти преимущества уже сказываются. Усиливаются, до предела обостряются социально-экономические и политические противоречия внутри ЮАР. Крепнет, набирает силы национально-освободительное движение народа Зимбабве (африканское название Родезии). Активизирует деятельность патриотическая Народная Организация Юго-Западной Африки (Намибия). Не может быть сомнений, что конец семидесятих годов войдет в историю как решающий этап битвы африканских народов за ликвидацию последних язов колониализма, расизма, апартеида на их родной африканской земле.

Эта битва не будет легкой: современные наследники колониальных завоевателей не прекращают подрывной деятельности против независимых стран, они все еще рассчитывают использовать последние расистские заповедники Южной Африки в качестве ударной силы против борцов за свободу. Пользуясь услугами местной реакции, неокolonизаторы и действующие заодно с ними маоисты пытаются подорвать единство африканских народов, их волю к борьбе. Одновременно идет лихорадочное укрепление расистских бастионов. Вот последнее сообщение из Претории: согласно проекту нового бюджета на 1976/77 финансовый год, военные ассигнования ЮАР увеличатся на 40 процентов. За этой цифрой — военно-промышленный комплекс западных держав — членов НАТО, который снабжает южноафриканских правителей новейшим оружием.

Заправилы империалистических монополий, стремящиеся сохранить свои позиции в Африке, прикидываются ее друзьями и благодетелями. Африка — континент несметных природных сокровищ, но колониализм оставил освободившимся африканским странам страшное наследство: из 25 государств мира, отнесенных статистикой ООН к «наименее развитым», 16 находится в Африке. Молодые страны встречаются с серьезными трудностями в становлении национальной экономики, и этим спешат воспользоваться неокolonизаторы. Но народы развивающихся государств все лучше разбираются в том, где их друзья, а где недруги, маскирующие свои колонизаторские цели. В борьбе за экономическую независимость, как и в борьбе за независимость политическую, эти народы все чаще обращают свои взоры к Советской стране, к другим государствам социалистического сотрудничества.

И это естественно, это закономерно. Советский Союз, верный интернациональному долгу, всегда твердо стоял и стоит на стороне народов, борющихся за независимость и социальный прогресс. На весь мир прозвучали слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева из его доклада на XXV съезде КПСС о том, что Коммунистическая партия Советского Союза оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу. При этом Советский Союз не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не домогается военных баз. Советские люди поступают так, как велит им их революционная совесть, их коммунистические убеждения.

Да, битва африканских народов против империализма, колониализма, расизма, идущая на политическом, экономическом, а нередко и на военном фронте, это нелегкая битва. И тем не менее исход ее не оставляет сомнений: как бы ни сопротивлялись колонизаторы, их дело обречено. Поручкой тому — растущее единство народов Африки, их твердая решимость идти по пути независимости. Поручкой тому — крепнущая солидарность с участниками национально-освободительной борьбы всех прогрессивных сил земного шара, всех, кому дороги идеалы мира, свободы, социального прогресса.

Советские космонавты на приеме в Кремле. Слева направо: В. Ф. Быковский, А. А. Леонов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, В. В. Николаев, Терешкова, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, В. А. Шаталов, Б. В. Вольнов, К. П. Феонтистов, Е. В. Хрунов, А. Г. Николаев, А. С. Елисеев, П. Р. Попович.
1969 год.
Фото
А. Моклецова (АПН)

ПЯТНАДЦАТЬ КОСМИЧЕСКИХ ЛЕТ

интервью «Огонька»

На вопросы
нашего корреспондента
отвечает дважды
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
делегат XXV съезда партии,
генерал-майор авиации
Алексей ЛЕОНОВ

— Алексей Архипович, давайте наш разговор о космосе начнем с Земли. С воспоминаний о первом ее космонавте. Вам много приходилось ездить, много встречаться, беседовать с иностранцами. Как относились и относятся к имени Юрия Гагарина за границей?

— Я был во многих странах Европы, Северной и Южной Америки. И всегда, когда люди узнавали, что к ним приехал советский космонавт, они говорили: «О, Гагарин!» Для многих это имя уже

стало символом. В каждой беседе, при каждой встрече упоминалось его имя. Помню, как Юра поехал в Чехословакию. Когда их самолет заходил на посадку в Праге, то на самом высоком доме космонавта встречал трубочист. Трубочист — это символ счастья, благополучия и радости. И когда четыре года спустя, я поехал по тем же местам, где был Гагарин, везде я слышал о нем самые теплые, самые добрые воспоминания. За десять последних лет я не встречал еще человека, который не знал бы о Гагарине. Ведь на каждом континенте его считали посланцем всей планеты, всего человечества.

Юрий Гагарин первым шагнул в космос, но дорогу во Вселенную прокладывал весь советский народ.

Этот полет был подвигом всей страны. Он воплотил в себе выдающиеся достижения большинства отраслей науки и промышленности, труд сотен тысяч советских людей. Для осуществления полета понадобилось преодолеть огромные технические трудности, связанные с созданием мощной ракеты-носителя, систем жизнеобеспечения и терморегуляции, специального скафандра. Сложнейшей проблемой было осуществление спуска космического корабля на Землю. Успешное завершение полета прекрасно показало всему миру, насколько высок уровень развития науки и техники в нашей стране.

— Пятнадцать лет назад первый полет человека в космос стал событием века и величайшим подвигом. Сегодняшние полеты уже не потрясают, как прежде. А ведь космонавту каждый раз приходится противостоять вселивной стихии с ее мгновенно убивающим вакуумом, излучениями, перегрузками, метеоритами, невесомостью. Нередко ставить опыты на самом себе. Значит, подвиг продолжается?

— На это я вот что скажу. Никто из космонавтов, отправляясь в полет, никогда не считает, что он идет на подвиг.

Помню, перед полетом Юрия Гагарина, у нас было партийное собрание первого отряда космонавтов, на котором мы провожали его в космос. Тогда никто из нас не говорил высоких слов, не говорили ни о каком подвиге. Мы считали, что Гагарин идет продолжать работу, которая была начата на Земле.

А вот подготовка к каждому полету — это действительно очень трудное дело. И многие ее не выдерживают. Немало хороших, способных ребят ушли от нас, не выдержав программы подготовки.

И здесь я вот еще что хотел бы сказать. Когда в космос отправляется космический корабль, известность, слава достаются в основном нам, космонавтам. А ведь освоение космоса начинается не со стартовой площадки космодрома. Оно начинается в лабораториях многочисленных институтов, в кабинетах ученых, в конструкторских бюро, в цехах заводов. Имена вы-

дающихся теоретиков, инженеров, конструкторов часто остаются за рамками газет и журналов. А без этих людей, чей труд нередко является настоящим подвигом, не было бы и нас, космонавтов.

Вот о чем не стоит забывать.

Но, конечно, полет — это не прогулка в космосе. Часто бывает и очень тяжело. И даже страшно. Потому что опасность всегда рядом с тобой, начиная от взлета и кончая посадкой. Как бы ни была совершенна техника, очень трудно абсолютно исключить отказы. Опасность всегда будет, потому что человек отрывается от Земли, а она отпускает страшно неохотно и снова притягивает к себе.

— Скажите, Алексей Архипович, о чем вас никогда не спрашивали журналисты, но о чем вам самому хотелось бы рассказать?

— Почему-то никто из журналистов никогда не задавал мне прямого вопроса: «А что ты думаешь о своем товарище, ну, например, о Викторе Горбатко?»

— А в самом деле, что вы о нем думаете?

Леонов смеется и тут же серьезно:

— Во-первых, он очень принципиальный парень, очень. Это его кредо в жизни. Второе — его целеустремленность. Мало кто знает, что, когда он был командиром дублирующего экипажа «Восход-2», буквально перед нашим стартом, у Виктора врачи обнаружили неполадки с сердцем, которые, каза-

лось, навсегда лишили его возможности летать. Полтора месяца он пролежал в госпитале. Но потом систематическими тренировками победил болезнь и вернулся в отряд космонавтов, через четыре года полетел в космос.

— Назовите, пожалуйста, пять имен, которые, как вы считаете, сыграли для мировой космонавтики решающую роль.

— Первым я назвал бы Циолковского. Ему человечество обязано теоретическим обоснованием основ космонавтики. Затем Цандер — изобретатель ракетной техники. Королев — с его именем связано начало практической космонавтики. Конечно, Гагарин, который всех нас позвал в космос и дорогой которого мы теперь идем. И, наконец, Армстронг, первый человек, ступивший на Луну.

— Алексей Архипович, а вы помните день, когда вы первый раз учились плавать?

— Плавать? Хорошо помню. Мне было тогда лет пять. Ребята научили меня такой хитрости. Берешь брюки, завязываешь их снизу, ударишь об воду, они надуваются пузырями. Как раз между ними ложишься, и так очень удобно плавать. Как-то мой приятель решил пошутить и выдернул их изпод меня. Мне ничего не оставалось, как плыть. И я поплыл. Это было первый раз в жизни. Я проплыл тогда метров пять. Не было предела моего испуга и не было предела радости.

— Когда вы впервые в мире вышли в открытый космос, вы «уплы-

ли» от корабля на те же пять метров. Где труднее учиться плавать?

— Конечно же, там, в космосе. Вообще специалисты сегодня считают, что по степени трудности самая тяжелая работа для человека — это работа космонавта, находящегося в скафандре под давлением. Я вспоминаю свое «плавание» в космосе, возвращение в корабль. Тогда мне пришлось много поработать, чтобы войти в него. Так это было тяжело.

— Вы пробывали в открытом космосе лишь 12 минут. Каково же будет монтажникам будущего, которым придется неделями собирать крупные орбитальные станции?

— Ну, к тому времени будут созданы специальные скафандры с противокompенсаторами, позволяющими человеку более ловко двигать руками и ногами. Будут использоваться механические манипуляторы, управляемые биотоками мышц космонавта. Все это намного облегчит его работу.

— Вы летали в космос дважды: в 1965 и в 1975 годах. Между этими полетами — десять лет. Скажите, как за эти годы изменилась космическая техника?

— Конечно же, изменения в космической технике произошли грандиозные. Корабли типа «Восток» и «Восход» имели программы весьма сложные, но для своего времени. Пришедшие им на смену «Союзы» — значительно более сложные аппараты. На одном из таких кораблей изучалось влияние длительного воздействия невесомости на человеческий ор-

ганизм, другой был использован как астрофизическая обсерватория...

Но, конечно, в настоящее время вершиной научно-технической мысли являются наши орбитальные станции типа «Салют». Эти грандиозные космические лаборатории способны длительное время работать как в пилотируемом, так и в автоматическом режиме. Десять лет назад о таких космических аппаратах можно было только мечтать.

— А как изменились за эти годы «космические» отношения с Америкой?

— В 1965 году, когда мы вернулись из космоса, мы впервые передали американцам документы о нашем полете, о выходе человека в космос. Это было началом наших отношений. В том же году состоялась первая наша встреча с американскими астронавтами Купером, Конрадом и Слейтоном. Очень робкие были тогда разговоры о совместной работе. Ну, а каковы наши отношения теперь, вы знаете, — их всему миру продемонстрировал совместный полет «Союза» и «Аполлона».

— Как вы себе представляете будущее мировой космонавтики?

— Я глубоко убежден, что к началу XXI века человечество задумается, как ему расширить свой ареал. Перед восемью миллиардами людей остро встанет проблема не только их пропитания, но и размещения. Вот тогда-то космос и станет ареной, где развер-

нется человеческая деятельность в полную силу. Вокруг Земли будут созданы поселения-спутники. Они станут «пригородами» нашей Земли на орбите 500—700 километров. Прототипы таких поселений — орбитальная станция «Салют», где Климук и Севастьянов жили два месяца, американский «Скайлэб», где космонавты жили три месяца, первая международная станция «Союз» — «Аполлон».

Эксперименты доказали, что в космосе можно получать кристаллы идеальной чистоты, а также сплавы, которые на Земле получить практически невозможно. Сплавы из композитов с большой разницей удельных весов. Например, сплав алюминия и вольфрама. Материал необычайной прочности и в то же время очень легкий. Так что в будущем можно ожидать создания космической индустрии, которая будет производить уникальные полупроводники и металлы на орбите спутника Земли.

— А в каком полете вам хотелось бы участвовать?

— В очень длительном. Месяца на три, может быть, на полгода. У меня есть заветная мечта — снять цветные и световые характеристики поверхности Земли. Создать цветовую карту, чтобы человек, изучая географию, смог увидеть краски нашей планеты такими, какие они есть на самом деле.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ.

Ю. А. Гагарин и С. П. Королев.

О САМЫХ ПЕРВЫХ

Первопроходцы космоса. Огромен, неоценим их вклад в историю человечества. Мы знаем о них много и вместе с тем мало.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к испытателям, космонавтам, конструкторам, ученым с просьбой рассказать о неизвестных еще эпизодах начала космической эры.

НАЧАЛО...

Эта заметка была напечатана в первый День космонавтики в стенной газете «Скрижали» конструкторского бюро, где создаются космические корабли. Написал ее один из видных ученых и пионеров советской ракетно-космической техники, доктор технических наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии **Михаил Клавдиевич ТИХОНРАВОВ**. Он не дождался 15-й годовщины первого полета человека в космос. Заметка, взятая из архива и впервые публикуемая, — живая история мечты, дерзости пионеров освоения космоса.

Я вспоминаю одну сценку из далекого-далекого прошлого. Этого случая никто не знает, кроме двух человек — участников разговора. А разговаривали два мечтателя, оказавшиеся в будущем трезвыми реалистами.

Начало весны 1934 года. Может быть, 9 марта. Запомним это число! В Москве, в воротах дома № 19 по Садовой-Спасской улице, задержались два человека, два ин-

женера из ГИРДа (Группы изучения реактивного движения — **Ред.**), который помещался во дворе этого дома. Напротив — трамвайная остановка. Тогда еще по Садовой ходили трамваи. Инженеры собирались поехать в создаваемый институт, объединявший усилия различных инициативных групп нашей страны по изучению реактивного движения. Из истории вы знаете этот институт — он назывался РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт — **Ред.**).

— Хотел бы я знать, — сказал один, — кто будет проектировать и строить корабль для полета человека в космос?

— Конечно, это будет коллектив, обязательно коллектив! — ответил другой. — Знаю, и ты и я войдем в этот коллектив. И если ни одна наша ракета еще не летала в космос, это не значит, что мы не доживем до межпланетного полета человека. Обязательно доживем!

— И я верю — доживем, увидим. А может, и сами полетим в космос, — подхватил первый.

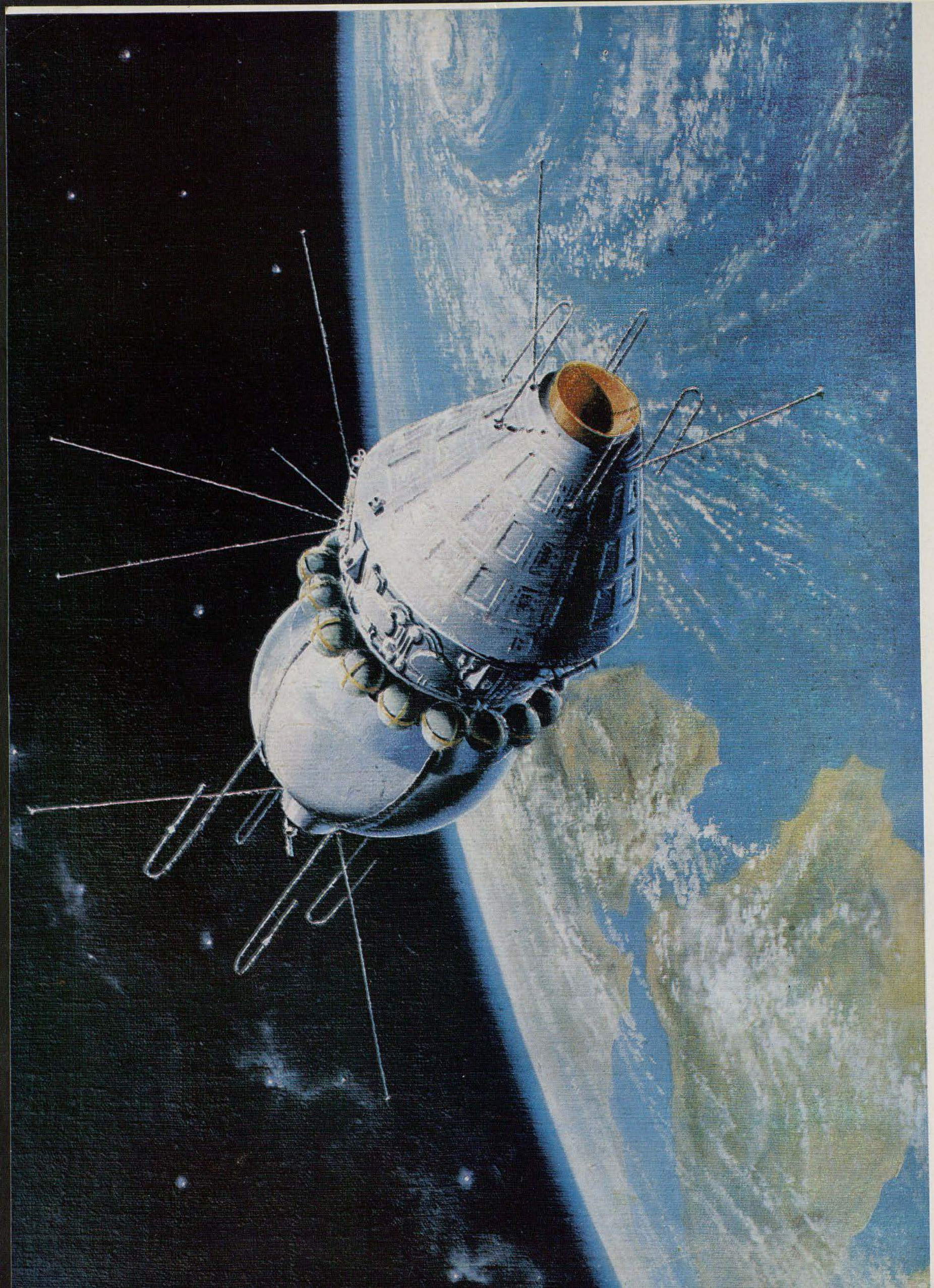
Я уже говорил, что собеседники любили помечтать, заглянуть в будущее. Мечты помогали работать и отчетливо видеть завтрашний день. Первые шаги к своей мечте, правда, небольшие, они сделали к этому времени. В стенах ГИРДа были созданы двигатели и первенцы, пока маленькие, жидкостных ракет. Ракеты поднялись в небо. Вместе с ними как будто поднялись и создатели. Этот первый успех окрылил, придавал уверенность на будущее: мы полетим в космос.

Знали ли тогда они, эти два инженера, что их предвидение осуществится через 27 лет? По срокам полет произошел раньше, чем они думали. Даже для них, безудержных мечтателей. А было немало людей, которые относили первый полет человека в космическое пространство на конец нашего века или даже на двухтысячные годы. Они считали себя реалистами.

Великий праздник души был у людей Земли: человек поднялся в космос. Прекрасный, молодой наш Юрий Гагарин. Он родился

А. Соколов. Род. 1931. ПЕРЕД СТАРТОМ.

А. Соколов. НАД ПЛАНЕТОЙ — «ВОСТОК».

9 марта 1934 года. Может быть, в тот самый незаметный день и происходил разговор двух конструкторов.

Этот коротенький рассказ — воспоминание. Я назвал его «Начало...». Этим самым хочу сказать, что, во-первых, в нашей удивительной жизни все переплетается, взаимосвязано. С чего начиналось великое событие современности — полет человека в космос? Конечно, с мечты, потом с мысли. Мы не знаем, когда родилась мечта — она где-то в далекой, древней истории. Но нам известно, когда и как появилась мысль о полете, о корабле — она в трудах К. Э. Циолковского. Со свойственной ему прозорливостью Константин Эдуардович объяснил, почему не азарт, не пушечный снаряд Жюль Верна, а именно ракета призвана разорвать оковы тяготения. Он создал основы теории реактивного движения. Он предсказал и искусственные спутники Земли, и космический корабль, и поведение человека в условиях невесомости... Далеко смотрел этот мудрый провидец. Его крылатые мысли захватывали дух, кружили головы молодым энтузиастам. И они сами делали первые шаги. Все начинается с первого шага! Сегод-

няшнее рождается из прошлого. Первые ракеты открыли дорогу космическому титану. Так что на пути к большому свершению у энтузиастов, инженеров и ученых, было немало дней рождения. Знали их и два инженера, о которых я говорю. Но самый большой, светлый день, я бы сказал, красный день рождения, для них настал 12 апреля 1961 года.

Один из двух инженеров руководил пуском, сам проводил Ю. А. Гагарина в исторический полет. Вы знаете его — это наш Главный конструктор Сергей Павлович Королев. Я не знаю, был ли на свете более счастливый человек в те самые минуты, когда ему доложили: «Космонавт благополучно вернулся на Землю». Сколько лет он мечтал об этом великом звездном мгновении!

Другой инженер, к сожалению, на старте в это время не был. Но что значит не был? Он тоже не отрывался от космодрома, переживал, внимательно следил из конструкторского бюро за всеми приготовлениями и взлетом корабля. А до этого чем-то способствовал свершению, тоже, выходит, был при взлете. При этом взлете, видимо, присутствовал весь наш народ.

«КОСМОНАВТ — НОЛЬ»

С. НЕФЕДОВ, инженер,
испытатель космических кораблей

Недавно дочь Таня потянула меня на Выставку достижений народного хозяйства... «Папа, мы давно не были у твоего корабля», — заявила она. «Это не мой корабль, а общий», — возразил я. И объяснил своей шустрой третьекласснице, что его создавали многие люди — рабочие, металлурги, ученые, конструкторы, а на мою долю выпало последнее действие — испытание его на Земле перед стартом в космос. До полета Юрия Гагарина я провел в нем немало дней...

Удивительны свойства памяти. Чтобы она заговорила, нужен толчок. Остановившись перед моим старым другом «Востоком», я почему-то сразу увидел лицо конструктора, впервые познакомившего меня с кораблем. Боюсь, мне не удастся передать то наше знакомство — это было как поэма о первой любви. Видимо, для него, молодого, увлеченного своим необычным делом, корабль «Восток» тоже был первой любовью. Четыре дня, с утра до вечера, для меня одного он читал свои лекции. Больше всего меня поразили определения конструктора. Первое: «Умный и точный летательный аппарат. Большие конструкторы, задумав и создав его, совершили подвиг мысли». Второе: «У корабля общечеловеческая красота». Третье: «Такой кооперации, стыковки (сотни различных приборов, а еще больше всяких полупроводников, электронных ламп, реле, переключателей) еще не знало наше время».

Влюбил меня этот конструктор в «Восток». Я испытывал не только сам корабль, а и человеческие возможности. Если я, самый обыкновенный, все выдержу, покажу себя с лучшей стороны, то и другие так смогут. Другие — прежде всего космонавты. Надо думать, они не какие-то феномены или сверхчеловеки, а просто люди, только в чем-то сильнее меня. А техника всегда остается техникой. С ней всякое бывает. В самое неподходящее время может отказать какая-то система... Человеку, возможно, придется пробыть в космосе даже десять суток.

Теперь десятисуточные «полеты» — самое обычное явление. Мы, испытатели, ходим и на тридцатисуточные и даже на годовые. А тогда на повестке дня остро стоял вопрос: может ли человек в искусственном климате, в одиноче-

стве, короче говоря, находясь как в настоящем полете (исключая только невесомость), выдержать длительный цикл жизни? Вот на этот вопрос мне и предстояло ответить.

Испытывали меня тоже с «запасом». Все сложности «полета» не расскажешь — длинная история. Упомяну только, что в первый же день повысили в корабле температуру до сорока градусов. Потел страшно, датчики, приклеенные к телу, давили, есть не хотелось. Потом температуру сменили — стало холодно... А еще тяжелее всякие сигналы-раздражители. Как-то утром устроили «особую проверку»: сумею ли я исправить на ходу разные неполадки? Ну, конечно, проверялась не только моя техническая готовность, а и моральная. Не растеряюсь ли я в необычной ситуации?

Наивный человек, перед «полетом» я оставил у лаборантки Маши, которая дежурила у иллюминатора корабля, веда со мной все переговоры, и служебные и личные, стопку студенческих учебников. Думал, найдетесь свободный часок, она передаст мне тайком книгу, и я прочитаю. Какой там часок, не было ни одной незанятой минутки. За десяток суток «полета» я потерял в весе двенадцать килограммов, но был уверен — «запас прочности» не исчерпан.

Потом я испытывал и снафандр космонавта. Многими сутками сидел, обживая его в корабле. В барокамере поднимался до высоты в пятьдесят километров. Сбрасывали меня в холодную воду. Раз десять нырял с высоты. Снафандр предохранял от ушибов, удерживал на плаву, не давал замерзнуть в ледяной воде. Испытывал его, я дал заверение космонавтам: надежный костюм.

И еще сделал вывод: чувство космоса вместе с тем по-доброму влияет на человека: не обессиливает его, а, наоборот, умножает силы. Все это я рассказал Гагарину и Титову. Передал им бортовой журнал «Восток-0», где подробно записал свои мысли, переживания, самочувствие. Я находился на обследовании вместе с ними, в одной палате. Космонавты благодарили меня за испытания, рекомендации и выводы. С тех пор товарищи зовут меня по-своему — «Космонавт-ноль». Добавлю: за свои испытательские «полеты» я награжден орденом.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ

В. ЯКОВЛЕВ, инженер-конструктор

В ночь перед полетом Гагарина я дежурил на стартовой площадке. Все ушли, осталась одна ракета, освещенная прожекторами. Стояла она красиво, мощно. Гагарину сказали: «Даем гарантию: надежность минимум на сто процентов».

В домике космонавтов погашен свет, полуоткрыты окна. Спит Гагарин, спит его дублер Титов. Я оставил за себя помощника, пошел и сел на скамейку около домика космонавтов. Запрокинув голову, смотрел вверх. Сколько звезд! В предстартовые дни и голову некогда было поднимать. Небо такое же, как и раньше. А ночь другая, необычная ночь. Туда, в сторону звезд, впервые в жизни полетит наш человек. Пока спит он рядом, за стеной, набирается сил для своего рейса. Звезды ему, может, видятся во сне. Но он скоро рассмотрит их из космоса, оттуда увидит и нашу Землю. Голова кружится, невозможно воспринять ни умом, ни сердцем этот шаг в неведомый мир. Подумалось: полет первого космонавта — как рубеж, разделяющий нашу прежнюю жизнь от последующей. Слово две половинки, две жизни — до и после полета.

Сколько людей подошло к этому рубежу! Возможно, так же, как и я, многие смотрят на звезды, раздумывают... И ждут. Ждут не только на космодроме. Вместе с нами на общую «волну» настроены и космическая связь, и координационно-вычислительный центр, и наземные пункты, и поисковая группа в районе приземления... Целая «держава» живет как бы на одном дыхании. И, конечно, все волнует за судьбу первого в ми-

ведь долго не умеет огорчаться. — Гагарину-то что, он «ненормальный», — отозвался Королев. — А я не могу... Волнуюсь.

— Не помянется ли вам мечами?

— С удовольствием бы махнул туда. Остается одно: позавидовать. Я незаметно покинул дворик дома — как будто нарочно подслушиваю разговор. Но Королев меня догнал. Отовсюду доносились незнакомые звуки. Чувствовалось приближение старта.

— Вдвоем-то веселее дежурить, — улыбнулся Сергей Павлович. — А теперь взглянем на нашу красавицу?

Он стоял молча, смотрел на ракету и пристыкованный к ней корабль. Из-за горизонта брызнули первые лучи солнца. Засветилась, засияла ракета.

— Ну вот и наступает этот день. Ради него стоило прожить жизнь. Как ты думаешь?

— Стоило! — подтвердил я. Навстречу нам шли два врача с бунетами тюльпанов — набрали в степи. «Это Гагарину».

Юрия Гагарина я встретил на верхней площадке у ракеты. Смотрю на него, стараюсь уловить: что переживает в этот момент. Он тоже глянул на меня и... подмигнул.

Вот Гагарин в корабле. Прощаемся с ним, закрываем люк. По совету Королева мы заранее отрепетировали последнюю операцию. Беспоянолся Главный конструктор, как бы она не задержала полет. Это не так легко и быстро — запореть люк. Одних гаек штук тридцать. Мы наловчились и на операции сэкономили даже время. И вдруг слышим по связи из бункера замечание Королева:

Ю. А. Гагарин перед тренировкой вестибулярного аппарата.
Фото А. Моклецова (АПН).

ре полета нашего космонавта. Что бы они ни делали в ту ночь, мысли все равно возвращались к нему.

На дорожке прошуршала галька: кто-то осторожно прошагал к домику. Что за полуночник? При свете тусклой лампочки у крыльца разглядел — Сергей Павлович Королев. Его грузноватую фигуру с крупной, гордо посаженной головой различил при любом свете. Переживает, никак не уснет. Видимо, решил посмотреть на отдыхающих космонавтов.

На крыльцо он вышел не один — вместе с врачом. Заметно: настроен веселее...

— Так он и сказал: «Кажется, я ненормальный человек: совсем не волнуясь перед полетом?»

— Да, и расстроился. Такой обнаружил в себе «психологический дефект». Герман посмотрел на него, засмеялся. Тогда и Юрий оживился, — рассказывал врач. — Он

крышка закрыта неправильно. В первое мгновение даже похолодели. Однако Сергей Павлович подбадривает нас: «Спокойно, не спешите». Спешили, конечно. За какое-то мгновение сняли крышку люка. Беспоянолся за Юрия Алексеевича: как он воспримет ситуацию? Никогда вроде не воспринимает, тихо и насистывает мотив любимой песенки. Проверили — все в порядке. Что же такое? Выяснилось: не проходит в бункер сигнал о закрытии люка. Скорей вниз! Уже в лифте вспомнили: не сказали напутственного слова Гагарину...

На стартовой площадке нас поразила необычная тишина. Все дни, до последних часов, здесь было шумно. И вдруг внезапно словно улетучились все земные звуки.

Я не буду рассказывать, как проходил полет Гагарина, — это всем известно. Вспомню лишь один эпизод, который заставил поволно-

ваться на пунте управления. Речь идет о сборе телеметрической информации с корабля. Какую-то минуту, а то и меньше ее не было. Королев стиснул зубы: «Ну, ну?»

Вот кто больше всех переживал за ход полета! Но зато накой праздник был потом. Такого я еще не видел в жизни! Ведь свершилось чудо...

«КТО СЛЕДУЮЩИЙ?»

Герман ТИТОВ,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации

Фото В. Чердинцева (ТАСС). 1964 год.

Известно: Сергей Павлович Королев издавна мечтал о полете человека в космос. Этим человеком сначала он видел себя самого. Один ветеран-ракетчик как-то рассказывал мне о разговоре с Королевым на стартовой площадке. Это было перед первым пуском большой ракеты. Прообразом той ракеты, на которой спустя несколько лет полетели в космическом корабле мы, космонавты.

— Вон там, на вершине, скоро пристыкуем корабль, — сказал Королев.

— Корабль? Для чего? — удивился ракетчик.

— Для полета человека в космос.

Ракетчик не поверил, казалось ему: шутит Королев.

— Сказка, — проговорил он.

— Скоро сделаем ее былью, — заверил Сергей Павлович.

Теперь испытатель вспоминает этот разговор и поражается: какой близкий у него был взгляд и какой дальний у Королева. Разговор на этом не закончился. Ракетчик спросил:

— А кто первый?

— Первый кандидат я сам. Разве не подхожу?

— Может, и подходите. Но возраст...

Сергей Павлович поехал — не любил он оглядываться на свои годы.

Но пришлось. Королев не был идеалистом-мечтателем. Трезво оценивал реальность. Уже после первого спутника говорил: «Жалко, самому не придется слетать в космос. Кто-то, видимо, из молодых летчиков полетит. Передам ему эстафету». Он считал, для такого дела лучше всего подготов-

лены летчики, люди «внеземной» специальности, умеющие мгновенно ориентироваться в необычных обстановках. Каждый из них «и швец, и жнец, и на дуде игрец», то есть и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. Потом Королев сам принимал участие в отборе первого кандидата на полет. Остановились на Гагарине. Сергей Павлович долго приглядывался к нему, как бы поворачивал его к себе всеми сторонами характера, примеривал на прочность и затем признавал: «Подходит». И, говорят, вздохнул: «Никому не завидовал, а ему завидую».

После триумфального гагаринского полета мы отдыхали в Сочи. Собралось много интересных людей: конструкторы, будущие космонавты, ученые, медики, наши руководители. Вместе с нами отдыхал и Королев. Все свободное время проводили вместе. Раньше Главный конструктор казался мне строгим, загадочно-недоступным. А тут он сразу покорила меня жизнерадостием, весельем. Он был в нашем кругу центром притяжения. Однажды вечером Королев, оглядывая нас, спросил:

— Ну, кто следующий?

— Разве скоро будет новый полет?

— Скоро. В августе, — ответил он.

Я был поражен. Да, кажется, и все наши ребята смотрели удивленно на Главного конструктора, не знали, верить ему или нет. Еще первый полет не успели как следует осмыслить, еще перед глазами стояла необычная картина того исторического апрельского дня, а уже намечался новый старт. Я почему-то думал, что очередной

полет где-то далеко, за горизонтом. Ведь это огромное событие — космический полет. А события не происходят часто, одно за другим. Они называются постепенно, готовятся исподволь, на значительном промежутке времени. Королев все перевернул одним словом: «Скоро!»

Он повернул голову в мою сторону и, словно просвечивая взглядом, спросил:

— Думаете, не успеет? — И тут же сам ответил: — Это уж больше от вас, космонавтов, зависит. Какой темп возьмете. Корабль почти готов. Дорога открыта.

— Дорога Гагарина, — подсказал кто-то.

— Гагарина, — подтвердил Королев. — Сначала по ней полетят одиночки. Потом по двое-трое. Скоро мы будем иметь двух-трехместные корабли. Я думаю, вы не откажете «вывезти» и нас на космические орбиты, — улыбнулся Сергей Павлович. — А теперь давайте посоветуемся, сколько времени отвести на второй полет. Прошу откровенно, не стеснясь, высказать свое мнение. Кто начнет? Может быть, Юра?

— Я думаю, три витка, — ответил Гагарин. — За один я не так уж много рассмотрел. Не хватило времени. Три витка — это уже новый шаг. Успеешь и посмотреть и поработать.

Мы про себя думали: «Да, три витка — срок. Целых три раза облететь Землю». А Королев пожал плечами:

— Ну, и размах. Три витка! Все равно мало что увидишь. Надо смелее изучать космос. Я вижу более продолжительный полет.

И предложил:

— Сутки. Это уже цикл жизнедеятельности человека. Мы сразу узнаем, можно ли работать и жить в космосе. Узнаем поближе и невесомость. Проведем наблюдения, сделаем снимки, попро-

буй и ручное управление. Работать так работать.

В комнате воцарилась тишина. Суточный полет таил много неожиданностей. Как он скажется на организме человека? Причины для осторожности и сомнений было предостаточно. Доводы медиков сводились, в общем, к одному: слишком много риска. С космосом не шутят. Врачей поддерживали некоторые ученые. А Королев улыбался. Ему нравились люди, которые умеют обоснованно возражать. И он не оставался в долгу — уверенно защищая свою точку зрения. Как никто другой, он видел огромные возможности космической техники, ее надежность, знал, что мы подготовлены с «запасом прочности» и сможем выдержать единоборство с космосом. И он увлек всех за собой. Я тоже сказал: «Сутки». Хотя спор продолжался, но постепенно наша весов стала склоняться в нашу сторону. Тогда и было решено: программа второго полета — сутки.

Когда я слетал, опять вместе собрались и космонавты, и ученые, и конструкторы. Сергей Павлович «посветил» нам своим теплым взглядом, приветливо улыбнулся:

— Ну, кто следующий?

Мы еще не знали, кто теперь полетит, но помнили слова Королева: «Потом по двое-трое...»

Значит, настала пора полететь и двоим. А Сергей Павлович, со своей стороны, уже присмотрел кандидатов на полет — Андрияна Николаева и Павла Поповича.

Владимира Комарова он как-то сам спросил: «Как вы думаете, какой у вас будет полет? В составе звена «Востоков»? Нет, я мечтаю в ближайшем будущем подняться на орбиту многоместный корабль с тремя космонавтами!»

Королев умел удивлять и открывать. Умел он и необычное, почти фантастическое превращать в реальность.

Байконур.
Стартовая площадка.
Установка
ракеты-носителя
с космическим
кораблем.

Фото
А. Моклецова

ТОЧНОСТЬ

Н. АНДРЕЕВ, научный сотрудник

— Вот это да! Вот это спутники! Какие молодчики!

Это восклицание летчика-космонавта Константина Феоктистова, обычно сдержанного, ровного в поведении человека, я услышал на командном пункте космодрома, когда впервые состыковались два наших спутника. Это было в конце октября 1967 года. Тогда всех нас поразила точность «космической работы».

Все мы вскопили, обнимались, что-то восторженно кричали, обменивались друг другом. Нам явно не хватало подходящих слов, чтобы в полной мере выразить происшедшее. Первым освободился от эмоций руководитель работ, он поднял руку и, когда стало тихо, сказал:

— Всем огромное спасибо. Особенно за стыковочный узел... И, конечно, баллистикам. — Он посмотрел на молодого человека, представителя на космодроме от баллистической группы. — Сработали на пятерку с плюсом. Абсолютная точность.

Как-то летчик-космонавт Валерий Быковский высказал образное сравнение о костре и людях, которые сошли к огню. Смысл его в том, что для человека, только что подошедшего к костру из темноты, видны лишь те люди, которые освещены пламенем. А других, что стоят подальше, скрытых тенью, и не видно. Они-то, возможно, и заготавливали топливо, разжигали костер. Что-то подобное бывает и в жизни — одни люди на

свету, другие, тоже «заготавливающие» топливо, разжигавшие костер, в тени. Баллистики — в числе «теневых», их почти не видно и не слышно, хотя они составляют заметное, надежное звено в космической цепи, так же как штурман в экипаже самолета.

В прошлом году весь мир поразила точность, с какой сели на Венеру два наших аппарата — «Венера-9» и «Венера-10». Я был в это время в координационно-вычислительном центре.

Первое ощущение, которое возникает при ожидании посадки станции, — как нелегко добраться до другой планеты! Огромное расстояние усложняет и управление станцией с Земли. За месяцы полета проводится несколько десятков сеансов связи со станцией, передаются сотни команд. В управлении не должно быть ошибок: известно, что если дать больший импульс в величине скорости станции только на 0,01 процента, это приведет к промаху около 70 тысяч километров. Аппарат или вовсе не попадет на другую планету, или сядет совсем в другом месте. Вот что значит космическая точность!

Даже приземление остается сложной операцией. А посадка на Венеру? Ее нельзя сравнить и с прилунением. На Венере в отличие от Луны, где нет атмосферы, все необычно: густой облачный покров, высокое давление, высокая температура... Сколько опасностей там ждет нашу станцию! Мы волнуемся...

Мне вспоминается случай из прошлого. Так же сидели в зале, ждали. Рядом сидел усталый Анатолий Викторович Брыков — один из ведущих баллистиков, доктор технических наук. На листе бумаги перед ним крупными буквами выведено точное время посадки станции — часы, минуты, даже секунды.

— Не опоздает? — спросил я.

— Не должна — точно рассчитано, — ответил он и добавил: — Еще не ошибались...

— Никогда! И на самых первых станциях?

— Самой первой для меня была «Луна-2». И это всегда в памяти... Тогда мы были молодыми баллистиками, только начинали и все-таки могли похвастаться: в расчетах нет ошибки. Наш уважаемый профессор, вот тот, что сидит с председателем Главной баллистической группы, говорил тогда: «Если что напутали, можете снять мне голову».

На листе бумаги — точное время прилунения. По глазам ученых, конструкторов видели — не очень

верят нам. Не укладывалось, что станция впервые сядет с точностью до одной секунды. И вот подошло время. Вскопили мы бледные, почти не дышали... Станция послала нам последний сигнал и затихла. Все посмотрели на часы — это произошло как раз в ту секунду, которую мы написали на листе. Подбежали к нам ученые, конструкторы, обнимали, целовали... Баллистики утверждали себя в их глазах. С нашей помощью впервые трасса земной станции соединила два мира...

Из аппарата громкой связи раздался торжествующий голос: «Подает сигнал! Благополучно села!» Все совпало до секунды! Мягкая посадка первого спускаемого аппарата межпланетной станции на Венеру — новое качество работы исследователей космоса.

У баллистиков исчезла усталость на лицах — улыбались, поздравляли друг друга, чувствовали себя по-праздничному. В этот момент они были счастливыми людьми. Всегда радостно чувствовать — сработано точно.

ОРАНЖЕРЕЯ НА ОРБИТЕ

В. ЛЕВСКИЙ, научный сотрудник

Пятнадцать лет — срок не столь уж большой. Тем более в масштабах исторических. Но то, что сделано в эти полтора космических десятилетия, вошло в историю, утвердилось в ней навсегда. В истории космонавтики и человечества.

Вместе с тем эти космические свершения возвращают нас к более далекому времени. В тяжелые для России годы, при свете тусклой керосиновой лампы великий PROVIDER Константин Эдуардович Циолковский написал труды, ставшие классическими для современной космонавтики. В них, в частности, была обоснована необходимость создания «эфирных островов». И вот «эфирные острова» руками верных последователей калужского мечтателя построены, пущены в плавание. Обитаемые орбитальные научные станции стали реальностью сегодняшнего дня.

Вот уже шестнадцатый месяц летает над Землей станция «Салют-4», послушно выполняя все посылаемые с Земли команды и задания. За это время к станции три раза подлетали и стыковались с ней транспортные корабли «Союз»: два пилотируемых и один автомат. Экипажи космонавтов — Алексей Губарев, Георгий Гречко, а затем Петр Климух и Виталий Севастьянов — в общей сложности три месяца работали на станции, собрав целый «урожай» результатов, уже приносящих пользу практике многих отраслей народного хозяйства.

Две с половиной тонны научной аппаратуры, 43 пульта управления ее работой, десятки километров телеметрических лент, фото- и магнитных пленок с результатами экспериментов — пусть это еще не выражение ценности результатов, но, безусловно, иллюстрация возможностей станции, а также того огромного объема задач, которые решаются учеными сейчас уже на Земле.

Установленный на орбитальной станции солнечный телескоп помог ученым увидеть Солнце как бы новыми глазами. Так, на полученных спектрограммах они обнаружили заметные смещения спектральных линий в активных солнечных образованиях — флокнулах. Исследовав это явление, специалисты установили, что ско-

рость движения материи в областях Солнца может достигать до 50 и более километров в секунду. Факт сам по себе мог бы и не столь выразительным, если бы соответствующие наземные наблюдения не показывали скорость 2—3 километра, не больше. Ясно, что даже этот факт дает новые принципиальные сведения для понимания физической природы Солнца. А таких фактов в этом полете было получено немало. Ригель были обнаружены мощные десятисекундные вспышки. Анализ показал, что выделяемая при этом энергия в десятки тысяч раз (!) больше энергии самых мощных вспышек на Солнце. Причем интересно то, что сам по себе факт рентгеновских вспышек звезд и созвездий до этого вообще известен не был.

Исследования земной поверхности занимали особое место в программе полета орбитальной станции, и главным образом потому, что с этими работами связаны прикладные задачи науки. Взорам объективов была охвачена практически вся территория нашей страны в средних и южных широтах. По объему и качественному составу полученных материалов подобных экспериментов не было в истории нашей космонавтики.

Полученные с борта станции «Салют-4» материалы съемки Земли переданы в десятки научно-исследовательских и производственных организаций для дальнейшей обработки и практического применения в народном хозяйстве. Одна из основных задач, стоящих перед космонавтикой, — увеличение длительности пребывания человека в космосе. Создание замкнутых систем обеспечения жизнедеятельности космонавтов в будущих длительных полетах становится при этом важнейшей проблемой. Может быть, и странно это прозвучит: «На станции испытывались растения», — но ученые действительно интересуются, какие растения будут более всего пригодны в космосе. При этом не только бобовые культуры или овощи, но и цветы. А первым о важности космических оранжерей писал мечтатель из Калуги.

Ю. ГАГАРИН. 25 марта 1963 г. Снимок публикуется впервые.

Фото Ю. Кривоносова.

К. БАРЫКИН

ЗВАНЫЙ ОБ

их в левой руке, в правой же — по небольшой вилке. Подцепил ломтик и...

— Какой хлеб любите? — спрашивают нас.

— Ржаной.

И буханка (весом 4,5 грамма!) следует за кусочком жареного мяса.

Рассказать о том, что еще готовят на космической кухне? Сыр рокфор, крем из гусиной печени и индейка в желе, куры в томате и творог, сок вишневый и кофе с молоком.

Нас ведут в цех, потребовав, однако, чтобы мы надели такие же, как у всех тут, белые, похрустывающие после утюжки халаты. Но и этого оказалось недостаточно. У входа в помещение специальный коврик — станешь на него, а он соберет с подошвы уличную пыль. Есть и еще одна преграда, воздушная: ее создает чуть слышно работающий вентилятор.

Собственно, в цех-то нас не пустили — люди мы посторонние. Постояли у порога, посмотрели, как ловко, сноровисто там работают. Бортовые пайки, оказывается, делают не только накануне полетов. Сейчас, после земной «стыковки» космонавтов и астронавтов, нет сувенира лучше, чем коробочка с космическим завтраком. Такие красочные упаковки — две тубы, сладкое и хлеб, недавно продавались в нескольких магазинах. Нарасхват!

Тщательность, аккуратность, стерильность непременно сопутствуют приготовлению космических обедов, ужинов и завтраков. Идет работа и над рецептами новых блюд, совершенствуется их упаковка; словом, все делается для того, чтобы уровень продукции был подлинно космический.

Во время совместного полета «Союз — Аполлон» космонавты и астронавты охотно ели и борщ,

Бортовые пайки.

До профессиональных дегустаторов нам, скажем сразу, далековато, но на этот раз они могут нам позавидовать. Многим ли из них приходилось не только видеть, как готовят «космические» бифштексы и курицу с черносливом, но и отведать эти блюда? А вот мы, вскрыв баночки, держим

ПРОЗРЕНИЕ

Юрию ГАГАРИНУ

И сказал Циолковский:
— В рассвет
Низко, низко вчера
пролетели
Корабли неизвестных
примет,—
Я не брежу, то быть,
в самом деле!

Поднималась и крепла рука:
— Чем волнение и диво
измерить!..
Сам я думал вчера: облака.
Пригляделся... Ведь трудно
поверить,—

Корабли, корабли, корабли.
Яркокрылые, огненной
масти,
Над цветением вешней
земли
Стройно двигались!
Это ль не счастье?

В мироздании мы не одни.
Через ложь, через кровь,
через муки—
Мы не сможем, сумеют они

Долететь от звезды
до Калуги! —
Вехи космоса.
Чуть накренься,
Стонут мачты вдали
за веками.
...Гений — значит
бессменная связь
Меж планетами,
материками!

Циолковский!
Подобен волхву
Дерзкий старец, безумец,
провидец.
Юный правнук-герой наяву
Станет гостем и стран
и правительств...

Циолковский — бессмертья
лучи
Веют.
Здравствуй, прозрение
святое!
И кремлевские звезды
в ночи
Говорят со Вселенной седою.

Валентин СОРОКИН

«НАЧАЛО». Рисунок И. Ф. ЧАПКИНА
из г. Южи, Ивановской области.

Е Д

В таких тубах — закуски.
супы, соки, кофе.

и карбонат, и суп харчо, и заливной язык, попробовали телятину и медовые коврижки. И «чокнулись» тубами с черносмородиновым соком. Недавно один американский журнал опубликовал космический словарь, составленный из наиболее ходовых слов и выражений — из числа тех, которыми пользовались в полете астрокосмонавты. Среди 16 наиболее употребительных выражений, таких, как «очень о'кей», «стыковка выполнена», «включайте ТВ-камеру», есть и: «Здравствуй, Алексей. Давай обедать».

Были в космосе званые обеды. И какой же обед без хлеба? Побывал я в «пекарне», где пекут «буханки» для космических бортпайков. Помню, поразился обилию сортов хлеба — едва ли не земной ассортимент. Теперь же, судя по всему, количество сортов и видов хлеба увеличилось. Но осталась прежняя расфасовка: по 4,5 грамма. И бородинский таким выпекается, и пшеничный, и черный, и очень вкусные медовые коврижки. По 10 буханок в каждом полиэтиленовом пакете. Такую буханку кладут сразу в рот, не надкусывая; крошек при этом нет. Да и вкуснее не резаный хлеб, — кто же не знает, что горбушки особо хороши!

...Баночки небольшие, крышка снимается легко.

— Не надо снимать ее полностью, — советуют мне. — В невесомости улетит.

Создателям обедов пришлось учитывать и это. Наклейки на банках чуть сдвинуты вниз, чтобы консервный нож не зацепил бумагу, не превратил ее в клочки, которые на пол не упадут (где он, пол, в невесомости?), будут плавать по салону. Вот и колпачки на тубах прикреплены тончайшими нитями. А сами тубы обыкновенные, какие встречаются и в магазинах.

Печенье обтянуто тончайшей пленкой. Начиная разворачивать, а главный «повар» улыбается: «Зачем?» И отправляет печенье в рот вместе с оболочкой. Я делаю то же самое. Оно упаковано в съедобную пленку, чтобы ни один кусочек не отломился. В похожей упаковке и плиточки тугоплавкого шоколада — он тверже обычного, высокопитательный, своеобразного вкуса.

Как составлялся рацион? Медики и пищевики немало потрудились. Полеты становятся более продолжительными. В. Севастьянов и П. Климук летали больше двух месяцев. Наверное, проблема «приедаемости» когда-нибудь появится и за космическими столами. Не будешь же кормить пилотов или пассажиров много

дней подряд одной и той же едой? Но как создать разнообразие на борту корабля? Разносолы с собой не возьмешь. Но в принципе и эта задача разрешима. Уже сейчас блюда не часто повторяются. Если, конечно, к какой-то еде космонавт не испытывает особого пристрастия, — индивидуальные вкусы заботливо учитываются.

От одного полета к другому на космической кухне вносят в меню что-то новое. Так появились чернослив с орехами, вяленые яблоки и сливы, большой выбор соков, упакованных так, что о поговорке «по усам текло, да в рот не попало» и вспоминать не приходится. Ни грамма сока не должно пролиться.

Можно с уверенностью сказать: если когда-нибудь станут проводиться международные космическо-гастрономические салоны, то кулинарам предприятия, в цехах которого мы побывали, найдется что показать.

...Но космическими заботами не ограничивается круг обязанностей этих пищевиков. Они думают о еде для полярников и геологов, для уходящих в долгий рейс рыбаков, для альпинистов и исследователей пустынь, для... Словом, для тех, кто работает в сложных условиях: там, где нет обычных общепитовских «точек» — столовых, кафе, буфетов.

В СЕМЬЕ ГАГАРИНА

А. ГОЛИКОВ

Дорога идет лесом. Лохматые ели расступаются, и вот уж виден Звездный — здесь живут и работают советские космонавты. Многоэтажный дом стоит среди бронзовых сосен. Квартира № 22. Сюда, к Юрию Алексеевичу Гагарину, приходил я восемь лет назад. Брал интервью, фотографировал.

В квартире все, как было тогда. За прихожей небольшая комната с круглым столом посередине, мягкие кресла, телевизор, на стене знакомый всему миру портрет Гагарина в космическом гермошлеме, в столовой — его бюст. Но в кабинете космонавта на книжных полках рядом с томами по авиации и межзвездным полетам появились школьные учебники, а на письменном столе — тетрадки, готовальня, географический атлас.

— Девочки подросли и теперь занимаются в отцовском кабинете, — поясняет Валентина Ивановна.

Прошу разрешения посмотреть семейный альбом.

— Все старые фотографии, — говорит Валентина Ивановна. — Вот эту мне Юра подарил в год нашего знакомства.

С фотографии смотрит на нас улыбающийся курсант с авиационными погонами и со значком парашютиста на гимнастерке.

— Это было в Оренбурге, — вспоминает Валентина Ивановна. — Там я родилась и выросла. Там и с Юрой встретилась — на вечере в авиационном училище. Как это было? Подходит ко мне курсант, приглашает на вальс. Потом стали мы встречаться каждый выходной день. В первый отпуск Юра поехал на родину, в Гжатск, но вернулся раньше срока и пришел ко мне с цветами. Кончил Юра училище, и мы вместе отправились на Север. Погода там сложная, летать нелегко, и я всегда волновалась за мужа.

— Вам он сказал, что решил стать космонавтом? — спрашиваю я.

— Нет! Сказал, что будет учиться на летчика-испытателя, поэтому мы и едем в Москву. А когда приехали, все стало ясно. Сначала испугалась, а потом вижу, в отряде космонавтов Юра не один, у других тоже семьи. Только не знала, что ему придется лететь первому.

Целая серия фотографий рас-

Валентина Ивановна Гагарина. 1968 год.

Фото Д. Ухтомского.

сказывает о триумфальных поездках Юрия Гагарина по разным странам. Всюду его встречали восторженные толпы людей, всемирная слава пришла к первому землянину, поднявшемуся в космос. Я смотрел на фотографии, на Валентину Ивановну, скромную, сдержанную в проявлении скорби, и думал о том, как достойно она выполнила долг жены человека, имя которого при жизни стало бессмертным.

— Недаром есть выражение «бремя славы», — словно прочитав мои мысли, говорит Валентина Ивановна. — Юре это бремя оказалось по силам. Он никогда не кичился известностью, а первое время даже побаивался ее. Ведь слава доставляет и неудобства. Помню, поехали мы с ним в Москву, в ЦУМ, купить кое-что детям. Вошли в магазин, Юру сразу узнали, и нас окружила толпа. И все хо-

тят позвать ему руку, получить автограф. Так мы никаких покупок и не сделали...

Чаще всего я смотрю на последние фотографии мужа. Особенно вот на эту, семейную, — вздыхает Валентина Ивановна. — Помню, как она была сделана...

Эта фотография памятна и мне. Юрий Алексеевич тогда сказал: «Чур, уговор — у меня в гостях братья, племянник и сестра жены. Сфотографируйте нас вместе на память». И сам стал всех рассаживать, с шутками, весело.

Тут вошел сосед Гагариных — космонавт Алексей Архипович Леонов. Разговор пошел об охоте. По весне собирались на уток, Юрий Алексеевич хотел опробовать новое ружье — жена подарила на день рождения. Потом вспомнили цветной документальный фильм о космонавтах, о первом полете человека в космос,

фильм, который мы вместе смотрели накануне. Незабываемый исторический кадр: Юрий Гагарин в красном космическом костюме возле ракеты прощается с товарищами и, уже стоя на площадке, у вершины, машет рукой...

«С того дня прошло семь лет, — говорил Юрий Алексеевич, когда я был у него дома, — а помню его до мельчайших деталей. Ведь я никогда в жизни так не волновался и не радовался. Докладывал, что к полету на космическом корабле «Восток» готов... Перед стартом делал заявление для печати и радио — обращался ко всему человечеству! И, конечно, впервые в жизни...»

А потом все вышли фотографироваться на балкон. Гагарин любовался лесом, уже тронутым весной, вдыхал запах талого снега и говорил, что любит весну...

— Вы провожали мужа в его последний полет? — спрашиваю Валентину Ивановну.

— Нет! — вздыхает она. — Я тогда лежала в больнице. Юра отвез меня туда 24 марта, в воскресенье вечером. А погиб он двадцать седьмого, в среду. Во вторник я его не ждала: накануне он был у меня и сказал, что очень занят. Поэтому после лечебных процедур я пошла погулять в больничный садик. И вдруг смотрю, Юра приехал. Сказал, что был недалеко и заскочил на минутку. Очень торопился и все поглядывал на часы, боялся опоздать на предполетную подготовку. Мы посидели немного. Юра рассказал, как дома, как дети. И уехал. Я, конечно, не думала тогда, что больше мужа не увижу.

На другой день с утра у меня на душе было беспокойно. Я всегда немного волновалась за Юру, когда он летал. Это, видимо, удел всех жен летчиков. Но в тот раз просто места себе не находила. Домой первый раз позвонила вечером, часов в семь. Телефон оказался занят. И так весь вечер. Наконец, я позвонила соседям. Те сказали, что все благополучно у нас, просто телефон испортился.

И все же я не успокоилась. Еле дождалась утра, чтоб позвонить домой. Но телефон опять не работал. Неожиданно ко мне приехали космонавты: Валя Терешкова, Андриян Николаев, Павел Попович. До сих пор помню, как при виде их у меня сердце оборвалось. Спросила: с Юрой несчастье? Ответили — да. Вчера утром, 27 марта...

Вернулись из школы дети. Младшая, Галя, теперь учится в восьмом классе. Старшей, Лене, исполнилось шестнадцать. Ей недавно вручен новый советский паспорт: миллионы зрителей видели по телевидению школьницу Лену Гагарину, очень похожую на отца, окруженную его друзьями-космонавтами.

— Куда, Леночка, собираешься поступать после школы? — спрашиваю.

— В Московский университет. — А ты, Галя? У тебя какие планы?

Смеется Галя:

— Сначала школу окончу!

— Красивые у вас дочки! — говорю Валентине Ивановне.

Она улыбается.

Я прошу ее рассказать о себе.

— Да что ж рассказывать? Живу, как все. Работаю, детей воспитываю, это сейчас самое главное...

Космонавты В. Н. Кубасов, А. А. Леонов, В. И. Севастьянов, В. В. Горбатко в гостях у Анны Тимофеевны Гагариной.

Фото Евгения Бурана

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сергей МИХАЙЛОВ

Городок этот с виду совсем обычный. Не выделяется он ни яркостью современной архитектуры, ни колоритом старины. Узенькие улицы, справа и слева — приземистые, в основном деревянные дома. То ли город, то ли село. И вдруг распаивается неожиданно широкая площадь. Посреди нее — памятник Юрию Гагарину, имя которого носит теперь этот город на Смоленщине.

Неподалеку от площади — самый светлый на своей улице одноэтажный домик. Здесь живет мать космонавта — Анна Тимофеевна.

Вхожу в комнату и застаю на пороге. Останавливает живой взгляд улыбающихся глаз. Они смотрят с огромного — во всю стену — цветного портрета. Юрий Гагарин. Здесь много, очень много его фотографий.

Из окна видна стоящая под стеклянным колпаком старенькая «Волга». Кажется, Юрий Алексеевич только что приехал на ней, зашел в родительский дом...

Сегодня, 9 марта, в день его рождения, к Анне Тимофеевне приехали космонавты. Она встречает их как самых дорогих гостей. Сажает за стол, накрытый белой скатертью и украшенный цветами. Через несколько минут уже шумит самовар.

Так вот какая она в жизни — мать Юрия Гагарина! Неторопливая, будто очень уставшая. Гладко зачесанные волосы, кое-где с седыми прядками. Натруженные, с трещинками на пальцах руки. Руки матери, всю жизнь отдавшей воспитанию четверых детей, нелегкой работе на молочной ферме. Во всем облике чувствуется какая-то особая значительность, и понимаешь, что кроется за ней безграничная печаль матери, ставшей свидетельницей небывалого триумфа своего сына и так скоро его похоронившей. Вспомнились слова самого Юрия Алексеевича: «А лицо у нее такое ми-

лое-милое, как на хорошей картине. Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей».

Часто навещал ее Юрий Алексеевич. Подолгу вели они душевные разговоры и хорошо понимали друг друга. Мама всегда была в курсе его дел.

Сына уже нет, но как когда-то приезжал он, чтобы справиться о здоровье, поделиться своими заботами и успехами, так сегодня приехали к Анне Тимофеевне его звездные братья.

— Как чувствуете себя, Анна Тимофеевна? — Да неважно. Только вчера из больницы вышла. Два месяца пролежала. Гипертония разыгралась...

Под неторопливый перезвон чайных чашек говорили о детях и внуках, об общих друзьях, о фильме Ю. Нагибина и Б. Григорьева «Так начинается легенда», в котором Лариса Лужина играет роль Анны Тимофеевны. И, конечно, говорили о сыне.

— Вы помните тот день, когда Юра впервые уехал из дома? Вы очень волновались за него? — спрашивает Алексей Архипович Леонов.

— Конечно, волновалась. Но не слишком. Если бы кто другой из моих ребят уезжал, наверное, беспокоилась бы сильнее. А Юра, он ведь очень самостоятельный был. И никогда нас не забывал, каждое лето приезжал. Всегда с подарками. Как только стал деньги зарабатывать, присылал каждый месяц...

От Анны Тимофеевны космонавты отправились к памятнику Юрию Гагарину, возложили к его подножию букеты живых цветов.

Затем маршруты космонавтов разделились: А. А. Леонов поехал на встречу с коллективом завода «Динамик», В. В. Горбатко — в зооветтехнику, В. Н. Кубасов и В. И. Севастьянов — к школьникам.

Мы входим в школу, которая носит имя Юрия Гагарина. Сюда он пришел учиться третьим, не слишком сытой послевоенной осенью. Здесь впервые повязали ему пионерский галстук, скроенный его матерью из сатиновой рубахи — единственной памяти о деде. Здесь Юра играл в школьном оркестре на старенькой, сильно помятой трубе. Был старостой класса и капитаном хоккейной команды. Здесь от своего любимого учителя физики Льва Михайловича Беспалова впервые узнал о работах Циолковского. Сделал свою первую модель самолета. Отсюда отправился на учебу в столичное ремесленное училище.

В школу заглядывал Юра в каждый свой приезд на летние каникулы. Заходил один в

пустой класс и там долго сидел. Может быть, вспоминал свой 5 «А», где ребята умещались за неуклюжими столами по пять-шесть человек, и когда к доске вызывали кого-нибудь, чье место было в середине, тот просто-напросто «подныривал» под стол...

Зашел посидеть Юрий Алексеевич в своем бывшем классе и в тот день, когда приехал в родной Гжатск уже после полета. А потом он выступал перед ребятами в школьном зале, отвечал на их вопросы...

И вот сегодня, пятнадцать лет спустя, в том же зале перед такими же дотошными мальчишками и девчонками, так же волнуясь, выступает космонавт Виталий Севастьянов.

Он рассказывает о встречах с Юрием Гагариным, о тренировках космонавтов, о своем первом полете с Андрияном Николаевым и о последнем — с Петром Климуком...

И снова ребята засыпают космонавта вопросами:

— Скоро полетят люди к Марсу и Венере?

— Когда снова в космос пошлют женщину?

— А в космосе стареют?..

После встречи пионеры ведут космонавта в школьный музей, где бережно хранятся табели с оценками Юрия Гагарина (в них одни пятерки), его дневник наблюдений за природой, собранные им коллекции камней и растений, сочинения, рабочие тетради, исписанные аккуратно, без помарок...

Закончился этот день в кинотеатре «Космос». В огромном зале свободных мест нет. Стоят даже в проходах. На сцене, за столом, уставленным цветами, — Анна Тимофеевна, руководители партийных и общественных организаций города, почетные гости.

Космонавты рассказывают собравшимся о недавних полетах, о подготовке к ним, о научных результатах. Вспоминают о встречах с Юрием Гагариным.

Выступают его школьные товарищи, учителя, родные. Снова и снова звучат теплые, душевные слова о Юрии Алексеевиче.

В заключение первый секретарь Смоленского обкома партии И. Е. Клименко сказал:

— ...Третий год подряд к нам в гости приезжают герои космоса. Пусть продолжается эта чудесная традиция, и пусть они по-прежнему в этот день делятся своими заботами и радостями со всеми нами и с Анной Тимофеевной, которая стала матерью всех наших космонавтов.

Н

а наших вкладках — фоторепортаж с Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова. Нескольким работ из тысяч... Но уже и по ним можно судить о том высоком художественном уровне фарфора, который создал заводу мировую славу. Вазы, настенные декоративные тарелки, чайные сервизы. Очень разные по форме, по манере исполнения росписи, то сдержанной, лаконичной, то яркой и праздничной. У каждого художника свое, очень индивидуальное видение мира, свой стиль. И в то же время есть качества, присущие всему ломоносовскому фарфору: это удивительное чувство гармонии, соответствие художественной росписи форме предмета, тонкий вкус, отвергающий вычурность. Ломоносовский фарфор покоится на двух китах: на народной традиции и классическом стиле.

Работа с фарфором требует от художника предельной собранности и дисциплины, умения на малой площади выразить многое. Ломоносовцам это удается. Их творчество можно определить словами одного французского писателя: «Мало материала, много искусства».

Были в жизни завода и периоды упадка: в 1900 году на Всемирной выставке в Париже петербургский фарфор занял последнее место и подвергся осмеянию за безвкусицу. Произошло это, когда на заводе отступили от народных традиций и пришли скульпторы и рисовальщики стали славой подражать вычурному рококо и сентиментальным пасторальям. А ведь давно известно: тот, кто умеет подражать по-настоящему, подражать не станет.

С приходами заводу не повезло с самого основания. При Елизавете залучили из Швеции на русскую службу арканиста (аскалуп в переводе с латинского — тайна) Гунгера, оплатили все его колоссальные долги, дорогу, произвели в «Директора над его царского величества фарфоровой мануфактурой», а он оказался проходным, делать фарфор не умел. И только стараниями замечательного русского ученого, друга М. В. Ломоносова, Дмитрия Ивановича Виноградова производство фарфора было налажено. Первый в России (и третий в Европе) фарфоровый завод, ставший, по сути дела, академией русского фарфора, был основан в 1744 году.

О том, что характеризует сегодняшний день Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова, одного из передовых предприятий Ленинграда, нашему корреспонденту **С. ВЫСОЦКОМУ** рассказала директор этого предприятия, делегат XXV съезда КПСС **Зинаида Игнатьевна МЕТЕЛИЦА**.

— Зинаида Игнатьевна, ломоносовский фарфор не оставляет людей равнодушными. Ваши сервизы, вазы, статуэтки не залеживаются на прилавках магазинов. Будет ли увеличен их выпуск в десятой пятилетке?

— Наш коллектив, партийная организация стремятся использовать все резервы, чтобы увеличить выпуск фарфора. Я думаю, что короче и красноречивее всего об этом расскажут цифры. Планом на девятую пятилетку предусматривался рост объема производства на 27 процентов, а фактически он составил 59,6 процента, производительность труда выросла на 54 процента. В три раза увеличился выпуск изделий со

работниками. Вас не удивляет мое утверждение? Идеология и чашки... Но разве затронуть в душе человека чувство прекрасного — это не идеология? Коммунистическое мировоззрение по природе своей глубоко гуманистично. А гуманизм и чувство прекрасного неразделимы. Иной раз и маленький цветок воспитывает. Недавно я прочитала в одной книжке трехстишие средневекового японского поэта:

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

С нашим фарфором человек соприкасается постоянно. И мы стремимся, чтобы это соприкосновение было соприкосновением с прекрасным.

Я уже не говорю о том, что некоторые наши изделия выполняли и выполняют прямую агитационную задачу. Не случайно в первые годы Советской власти бывший императорский завод передали Народному комиссариату просвещения и предназначили для выпуска агитационного фарфора. Вы видели у нас в музее вазы, тарелки, сервизы, посвященные знаменательным событиям в жизни нашей Родины, расписанные ярко и выразительно? Вспомните скульптуры Н. Данько «Женщина, вышивающая знамя», «Речь», блюдо Р. Вильде «На помощь голодающему населению Поволжья», сервиз «Кировск» Т. Безпаловой-Михалевой...

— Знакомая с работниками завода, очень приятно было наблюдать удивительную теплоту, доброжелательность в отношениях между людьми. В мастерских художники стараются обратить внимание не на свои работы, а на работы товарища, с увлечением рассказывают об их достоинствах. Нынче все единодушно в том, что хороший нравственный климат в коллективе — основа всех успехов.

— Наряду с современным технологическим оборудованием...
— Но ведь доброжелательность, коллективизм, ответственность за общее дело, которые сразу чувствуешь на заводе, не пришли сами собой...

— Это одна из наших традиций, которую мы бережно и ревниво храним и развиваем. На заводе трудится очень много энтузиастов. Мы хорошо знаем друг друга, порой жаростно спорим в поисках лучших решений, миримся тут же. Мы все время вместе ищем резервы.

Мы говорили с вами о том, что сервиз или ваза, доведенные до уровня художественного произведения — а это наша цель, — могут оказать на человека сильное эмоциональное воздействие, сделать его хоть чуточку нравственно совершеннее. Но диалектика заключается в том, что высокого качества продукции на любом предприятии, а на нашем особенно, можно достичь лишь в том случае, когда ее создают люди, обладающие не только хорошей квалификацией, но и такими чертами, как честность, ответственность, порядочность. Короче говоря, люди высоконравственные. А следовательно, качество — это категория и нравственная. Нравственный уровень человека сказывается на качестве работы, которую он выполняет, ничуть не меньше, чем, например, уровень технической оснащенности. Для человека с высокими нравственными идеалами профессиональная гордость не пустой звук. Он сам себе самый строгий контролер. И когда я слышу о новых и новых лю-

ЛОМОНОСОВС

Знаком качества. За прошлый год мы выпустили 18,5 миллиона штук фарфоровых и майоликовых изделий. Правда, это не так уж много, если учесть, что в нашей стране более 250 миллионов жителей...

В десятой пятилетке намеряем увеличить выпуск фарфора на 43 процента. Но для серьезного шага вперед необходимы комплексная реконструкция и дальнейшая специализация завода на производстве только высокохудожественного фарфора. Мы надеемся, что в ближайшие годы такая реконструкция будет проведена.

— В заводском музее собрана коллекция фарфора, которая украсила бы самые знаменитые музеи мира. Вы привели цифры, свидетельствующие о том, что ломоносовский фарфор стал массовой продукцией... Как же, говоря словами поэта, впрячь в одну телегу... коня и трепетную лань, совместить утилитарные интересы массового производства и уникальность подлинных произведений искусства, создаваемых лучшими художниками завода?

— Не так давно директор знаменитого Мейсенского завода в ГДР товарищ Питерман задал мне такой же вопрос... Мы не ставим перед собой задачу выпускать как можно больше обычной фарфоровой посуды. Традиции нашего завода, высокий профессиональный уровень кадров позволяют создавать подлинно художественные изделия. А благодаря новым, современным методам сложнейшие, яркие росписи таких мастеров, как заслуженные художники РСФСР А. В. Воробьевский, В. М. Городецкий, С. Е. Яковлева, А. А. Лепорская, художники В. М. Жбанов, Н. П. Славина, воспроизводятся у нас теперь большими тиражами и не утрачивают красоты подлинника.

Производство не диктует художникам какие-то свои, чисто утилитарные условия, не сдерживает художническую мысль, а следует за прекрасными образцами, созданными в их мастерских.

Мы считаем себя не только хозяйственниками, но и идеологическими

дях, получивших право на личное клеймо и работающих без ОТК, то в первую очередь вижу за этим прекрасную примету нашего времени: глубокие изменения в нравственном облике человека.

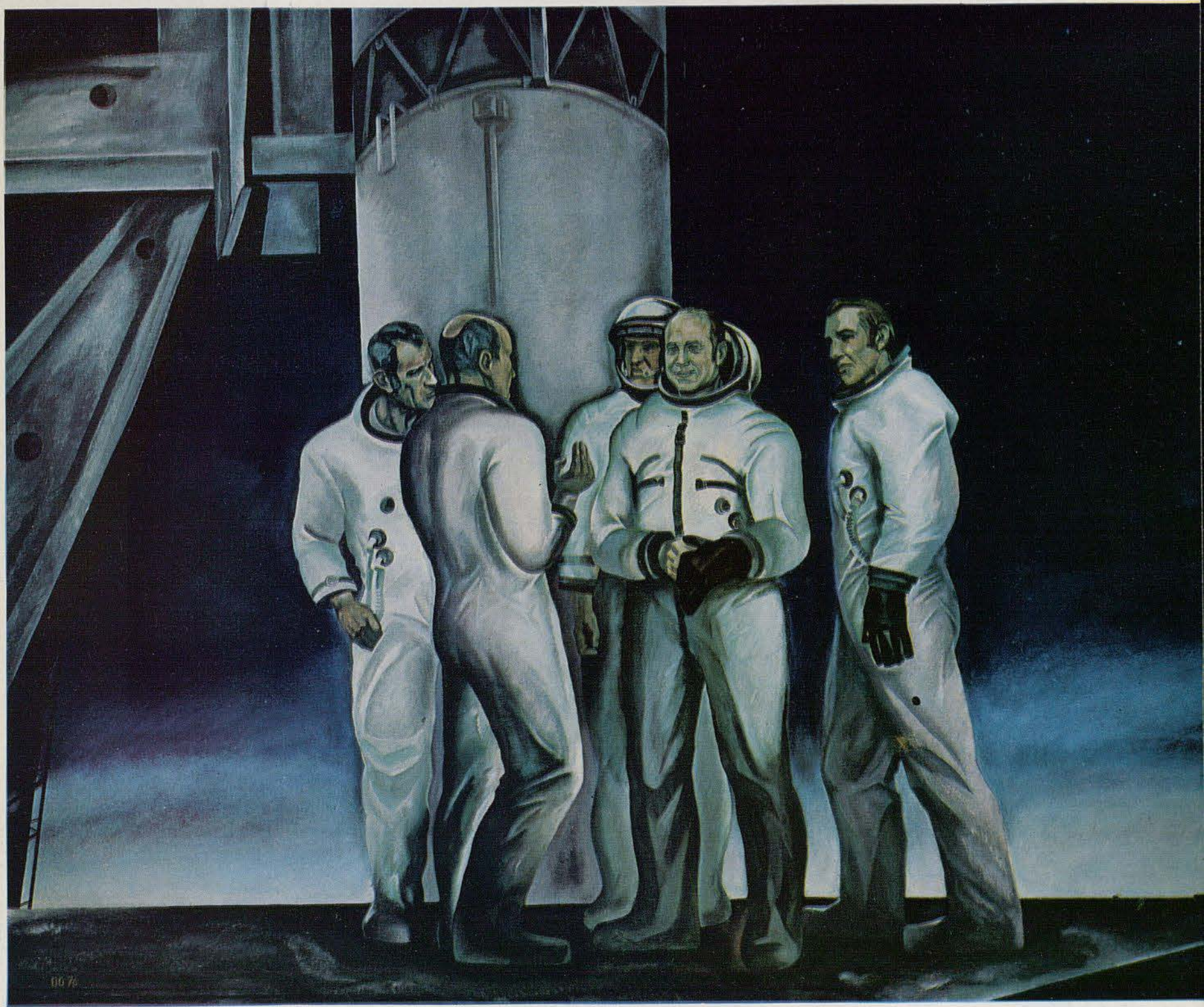
Десятая пятилетка — пятилетка качества. И, определяя после XXV съезда КПСС свои задачи на будущее, мы хорошо представляли себе, что справимся с ними лишь в том случае, если постоянно и кропотливо будем продолжать серьезную воспитательную работу.

Мы начинаем эту работу в то время, когда будущие наши рабочие еще учатся в профессионально-техническом училище. Ведь недаром говорят: чему Ваню не выучили, тому Ивана не научить. На мой взгляд, у общества нет другой более важной задачи, чем воспитание молодой смены, тех, кто придет вместо нас. От того, какими вырастут наши дети, зависит судьба всего нами достигнутого. У нас на заводе работают прекрасные люди самых разных поколений. Я не буду называть фамилий. Всех не назовешь... Хочу лишь обратить ваше внимание на то, что у нас очень много потомственных кадров, почти нет текучести. 70 процентов инженерно-технических работников — бывшие рабочие завода...

— И директор?

— Да, я закончила ремесленное училище, работала в литейно-формовочном цехе. Один из наших лучших живописцев, член-корреспондент Академии художеств, лауреат премии имени Репина Владимир Михайлович Горсдецкий, тоже начинал рабочим. А ведь это очень важно — пройти такой путь, знать производство и людей досконально, чувствовать, что с тобой рядом не случайные коллеги по рабочему месту, а товарищи, всегда готовые прийти на помощь, единомышленники, проверенные жизнью. Ничуть не рисуясь, скажу, что для всех нас, ломоносовцев, завод наш — дом родной, а потому любимый.

Живописец Н. Столбецкая. * «Эмблема» завода. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Печи скоростного обжига фарфоровых изделий. * Художник К. Косенкова. * Ваза, блюда, сервизы — искусная работа художников, скульпторов, мастеров завода.

Ю. Походаев. Род. 1927. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. («Союз» и «Аполлон»). 1976.

А. Соколов. ПЕРВАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ.

Перед концертом: Ш. Каллош и Н. Миронов.

Поэт Г. Пищаев.

Зрители.

Цена номера 30 коп.

Индекс 79663

